

Институт славяноведения
Российской академии наук

Исследования
по славянской диалектологии

25

Москва • 2025

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Ж. Ж. Варбот, С. В. Дьяченко, Д. Н. Гальцова,
А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, С. В. Князев, А. Б. Коконова, И. А. Марченко,
А. В. Малышева, Н. И. Муравлева, С. Л. Николаев, Г. П. Пилипенко, Р. М. Ронько,
М. Н. Саенко, Сладжана М. Цукут, Т. В. Шалаева*

Редакция:

д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. Д. Ю. Ващенко, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко

Рецензенты:

к.ф.н. Е. В. Колесникова, к.ф.н. М. В. Ясинская

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. — 456 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 25) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXV Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 4–5 июня 2024 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 4–5th, 2025 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists — specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0529-6
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

Содержание

<i>С. Л. Николаев.</i> К акцентуации праславянских <i>о-</i> и <i>и-</i> основ с односложными корнями в карпатоукраинских говорах.....	5
<i>Сладжана М. Цукут.</i> Статус переноса ударения на проклитики в северо-западных сербских говорах	149
<i>С. В. Князев.</i> Интонационная фонология русских диалектов: начальный пограничный тон	178
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие	207
<i>И. А. Марченко, Р. В. Ронько.</i> Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования	236
<i>А. В. Мальшева.</i> Родительный при отрицании в говоре Ильменского Поозерья	260
<i>М. Н. Толстая.</i> Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая	282
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном русско-сербохорватском лексическом соответствии с корнем <i>хор-</i>	302
<i>Н. Е. Ананьева.</i> Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами	305
<i>Т. В. Шалаева.</i> Ксеномотивация в названиях животных (по материалам «Общеславянского лингвистического атласа»)	316
<i>А. Б. Коконова.</i> Лексема <i>КИРПИЧ</i> и производные от нее в севернорусских говорах	326
<i>Д. Н. Гальцова.</i> Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах	334
<i>А. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 14. СРНГ, <i>С</i>	345
<i>А. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 15. СРНГ, <i>Т</i>	372

<i>С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко. Украинские тексты из села Юдино Воронежской области (по данным экспедиции 2024 г.)</i>	407
<i>Н. И. Муравлева. Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево</i>	426
<i>Г. П. Пилипенко. Тексты на славянских языках из Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) (по материалам экспедиции 2024 г.)</i>	442

Н. И. Муравлева
(Москва)

Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево

В статье публикуются нарративы на македонском языке, записанные во время экспедиции 2023 года (Борисов, Кикило, Немчинов 2024) у информантов — представителей македонского меньшинства, проживающих в сёлах Качарево и Глогонь (серб. *Kačarevo, Glogonj*) общины Панчево, Воеводина, Республика Сербия. В диалектных текстах отражены контактные явления, возникшие под влиянием мажоритарного сербского языка, а также смешение и переключение кода. Нарративы посвящены истории колонизации македонских семей в Воеводину по аграрной реформе в СФРЮ после Второй Мировой войны, укладу быта переселенческих семей, традициям, связанным с календарно-обрядовым циклом.

Ключевые слова: македонские диалекты, языковые контакты, смешение кода, переключение кода, Аграрная реформа СФРЮ, Воеводина, сербский язык, социолингвистика, миноритарные языки

В статье публикуются нарративы на македонском языке, записанные во время экспедиции 2023 года [Борисов, Кикило, Немчинов 2024] у информантов – представителей македонского меньшинства, проживающих в сёлах Качарево и Глогонь (серб. *Kačarevo, Glogonj*) общины Панчево, Воеводина, Республика Сербия. Данные населенные пункты входят в компактный ареал проживания македонского меньшинства, который сформировался после завершения процесса колонизации в результате Аграрной реформы СФРЮ в 1945–1948 гг. [Гаћеша 1984], когда население из мало-земельных регионов Югославии (в том числе из НР Македонии) переселялось на территорию Воеводины после депортации немецких колонистов.

Первая группа информантов является потомками переселившихся по Аграрной реформе македонских семей. Они владеют идиолектом македонского, который использовался внутри семьи, дополнительно некоторые из информантов изучали основы литературного македонского языка в начальной школе. К первой группе относятся информанты Ж. П. и С. Н., которые родились и проживают в с. Качарево. Ж. П. — потомок пересе-

ленцев из с. Орешево и с. Богомила общины Велес, идиолект родителей относится к центральным говорам западномакедонского диалекта. Семья С.Н. родом из Крушева, их идиолект тоже принадлежит центральным македонским говорам. Также были сделаны записи нарративов македонских переселенцев более поздней волны — конца 1950-х — 1960-х гг., чьи семьи покидали НР Македонию по экономическим причинам. Эта группа информантов обычно оканчивала начальную/среднюю школу в НР Македонии и уже позднее переезжала в сербскоязычную среду, уверенно владея как родным македонским говором, так и литературным македонским языком (в разной степени). К данной группе относится информант В.М., проживающий в с. Глогонь, родом из с. Тумчевиште, Гостивар (гостиварские говоры западномакедонского диалекта). В нарративах информантов двух групп прослеживаются черты контактного влияния мажоритарного сербского языка, а также явления переключения кода.

Тематически нарративы посвящены истории переселения македонских семей в Воеводину (текст 1), передачи немецкого имущества новым хозяевам (текст 2), традиции наследования фамилий в македонских семьях (тексты 3, 4), македонским обычаям праздников календарно-обрядового цикла (текст 5). Ранее публиковались тексты македонских информантов-переселенцев в работе [Станковиќ 2018] на темы, раскрывающие детали уклада жизни македонцев в родных селах до колонизации в Воеводину.

Тексты набраны в предложенной автором фонетической транскрипции на основе македонской графики, отдельные знаки сербской кириллической графики (ћ, ђ) используются в случаях смешения или переключения кода (такие места в тексте выделены жирным шрифтом). В тексте используются знаки препинания для облегчения чтения расшифровки. Многоточие указывает на паузу в речи информанта или хезитацию при подборе слова или фразы. Квадратные скобки обозначают пропущенную часть расшифровки (реплики интервьюера, комментарии третьих лиц) для связного представления нарратива по теме. Инициалы НМ обозначают вопросы или комментарии интервьюера.

Текст 1. Ж.П. (род. 1951 г., с. Качарево, общ. Панчево, Воеводина, Сербия)

История переселения семьи по Аграрной реформе

Часть 1

ЖП: Дојдени се значи де́до ми, се́га збо́рувам по та́ткова фа́милија. Зна́чи, то́гаш, зна́чи ја́с сум по́сле ро́ден, **ка́д су се запóзнале** та́тко ми и

мајка ми овдека работџки, и дедо Арсо... Арсо дедото, татко ми Никола и стрико ми Трајко.

НМ: А кој ја добил куќата дедо ви или татко ви?

ЖП: Дедо, дедото... Дедото добивал, па тој бил глава на **породицата**, секаде... значи тогаш дедовците добивале, не можеле... овие биле млади сите луѓево, ко нашите татковци, татко ми бил роден дваесет и прва година, дошол четириесет и шеста, тој со дваесет и пет години и не можел да добије куќа ако има татко жив. **Носилац** на колонизација, така се вика. **Носилац**... носител на колонизација.

НМ: И од кое село бил тој?

ЖП: Од Орешево, од Велешка околија. Село Ореше, срез Богонила. **Ја не знам** што е, дали тоа срез или шо е тоа, околија... **овај**... велешка, **не знам сад**... сега шо е тоа. Како се тие тогаш, како биле тие територијални единици, како биле.

И после стрико ми се врати. Купил плац во Битола. Беше врвен мајстор, беше алатничар. [...] А **така да** татко ми остана и дедо ми останаа, во иста куќа живеевне тука, на местово кајшто базенот беше ондека.

Тука беше старата куќа, до неа татко ми ми препиша оваја половина куќа, до тука беше куќата уште. И после ја турнавне куќата оти беше постара и не е така квалитетна беше, немаше многу цигли, овде плитари, овде ќерпич ќе беше прасено **више** него овде цигли печени. И **така да** ја моравме да ја турниме и тогаш ја направивне осумдесет и прва година, осумдесет втора се вселивме во куќава.

НМ: А со што се дојдени? Што донесоа?

ЖП: Со воз. Со што? Со ништо. Со некое ваганче некое алуминиумско, некое **тањир**, некое панцир, што ние Охридани... **пошто меѓу нама** го викаат панцир, не викаат тањир нити како, **него** панцир. Тенцере, **шерпа**. Ништо немале овај донесено отаде. Овдека што затекнале во куќава, затекнале доста.

Перевод:

ЖП: Приехали, значит, мой дед, я сейчас говорю о семье отца. Я родился уже потом, когда познакомились отец и мать, работали здесь, и дед Арсо... Дед Арсо, мой отец Никола и дядя Трайко.

НМ: А кто получил дом — ваш дедушка или отец?

ЖП: Дед, дед... Дед получал, ведь он был главой семьи, всегда... значит, тогда деды получали, не могли... остальные еще были очень молоды, как мой отец, он родился в двадцать первом году, приехал в сорок

шестом, а в двадцать пять лет он и не мог получить дом, если его отец жив. «Носитель права» колонизации, так их называют. «Носитель права» колонизации.

НМ: Из какого села он был родом?

ЖП: Из Орешево, из округа Велес. Село Ореше, район Богóмилы. Я не знаю, как его, район или по-другому назвать, округ... ну... Велес, не знаю сейчас... что это сейчас. Как их тогда, какими были территориальные единицы, как их.

И потом мой дядя вернулся. Купил участок в Битоле. Он был талантливым мастером, слесарь, работал с инструментами. [...] А вот мой отец и дед остались, в том же доме жили здесь, на месте, где был бассейн.

Здесь был старый дом, рядом с ним отец определил мне эту половину дома, вот досюда дом был. И потом мы снесли дом, потому что он уже был старым и никуда не годился, кирпичей почти не было, все больше саманы здесь, кирпич-сырец тут больше делали, чем обожженный кирпич. Поэтому мы должны были снести дом и построить новый в восемьдесят первом, в восемьдесят втором мы переехали в него.

НМ: А как приехали ваши? Что привезли с собой?

ЖП: На поезде. Что с собой? Ничего. Может, миски какие алюминиевые, тарелку, «панцир», как у нас охридские говорят... потому что мы между собой говорим «панцир», не говорим «тарелка», никак иначе, а «панцир». Кастрюлю, сотейник. Ничего они не привезли с собой оттуда. Что здесь застали в доме, а осталось им много чего.

Часть 2

НМ: А зошто одлучија да се преселат тука?

ЖП: Па како и сите тогаш от цела Југославија било, сепак тогаш се нудело нешто повеќе. Се нудело. Таму исто имало многу... биле големи фамилији таму. Сеокоја фамилија тогаш во тоа имала по пет-шест деца. И што ќе прави тој татко, кај, како ќе го дели, како ќе го прави тоа, не може да останат, треба да им обезбеди, еден син, втори син, трети син, ќерка, вamu таму. И тогаш ко се вршело тоа, тоа се викало «агитација», убедување нели, пропагирање на тоа зошто е тоа добро. Дека ќе добијат куќи, исто стануваат **аутоматски** сопственици на куќите или **власници**, и добиваат по еден ланец земаја.

НМ: Каде беше земјата? Тука или каде?

ЖП: Не, не, **ван** селото... вон селото, околу. Овде секој добил некоја **покуќнина**. Ёве, на пример ние сега нашиов плац, од улица од ѕидон,

до... ене тука се гледа една жица понатака има **иза купу́сов** овде блиску, тоа се четириесет метра. Кај Сíme пла́цот осумдесет метра **дугачок**. Тие така биле, овде тие се најголеми пла́цови, осумдесет-девеесет метра. Тие Германци го напра́иле тоа така и тоа така оста́нато е.

[...] (Земјата) Дóбива тој ста́риот нóсителот на колониза́цијата, ја дóбива зéмјата и сéга кај имало слóбодни. Тој дóбил, на пр́имер... во околи́ната **прéма** Пáнчево, **прéма** Јáбука, **прéма** Ковáчица, **прéма** таму Црéпаја, па вáму **прéма** Нóво Сéло, **прéма** Руму́нија. Зnáчи тоа е нáшиот áтар. Тоа се в́ика áтар. Тука се доб́ивала зéмјата. Рéтко кóј чóвек тóгаш мóжел да ја рáботи та́ја зéмја óти тој óвдека дóшол со гóли раце. Тој нéмал ни мóтика, нéмал нíшто, зnáчи, тој мóрал да кúпи. А óвдешна зéмја т́и нé можеш да ја рáботиш со мóтика, **то је** гóлема површ́ина.

Т́и во Македóнија нé можеш, рéтко кóј има толка́ви површ́ини до-би́ено зéмја да мóже да ја обрабóтува со мóтика. **Така да...** нé можеш да рéчеш **ве́ћина**, áма **ја́** мислам **скóро** сите ја да́вале зéмјата во за́друга. И тие така стану́вале члéнови, се вработу́вале во задрúгата. Им **тéкол** и ста́жот, си имале ста́ж **прéко** петна́есет гóдини кóј имал. А зéмјата ја корíстела задрúгата и да́вала нéкоја **на́кнада**, нéкоја рéнта, тоа се в́ика, да́ваа рéнта за тоа штó ја рáботат тво́јата зéмја.

И по нéкое врéме пóсле десéтина, два́есет гóдини лу́гево **се оса-мосталу́ваа**, стану́ваа мálце гáзди, доáгаа до нéкои пáри, мóжеа да кúпат и тра́ктор или ко́њи. И така си ја пóчнале да ја рáботат зéмјата и ја повлeку́вале. И тóгаш óди во задрúгата и на секрeтáрот или на дирéкторот му в́ика: са́кам да ја пóвлечам мóјата зéмја. [...] Зnáчи тóгаш се повлeку́вала зéмјата и не си мóрал да ја пóвлечеш сéта, кóлку са́каш. Мóжам да ти рéчам за тоа, имаш тóлку пáри да дóбиеш, т́и си задóволен или нé си задóволен, тóлку б́ила да нé речам тари́фа áли тóлку процéниле, нíкој нé може да нáтера задрúгата да ја прóдава поéвтино или пóскапо. Тóлку тие мислат дéка ч́ини таа зéмја, тóлку ти да́ват пáри.

Перевод:

НМ: А почему они решили переселиться сюда?

ЖП: Ну, как и все тогда, со всей Югославии, все-таки тогда предлагали больше, чем имелось у них. Предлагали. Там же у них было много... большие семьи были. В каждой семье было по пять-шесть детей. И что будет делать отец, куда, как делить, что делать, не могли остаться, нужно было всем что-то дать, одному сыну, второму, третьему, дочери

и так далее. И когда все это происходило, оно называлось «агитация», убеждение, ну, пропаганда, которая говорила, почему это хорошо. Что они получают дома, еще автоматически станут собственниками этих домов или владельцами, а также получают по куску земли.

НМ: А где была земля? Здесь или дальше?

ЖП: Нет, нет, за селом... за селом, рядом. Тут каждый получил вполне приличный участок. Вот, например, у нас наш участок, от той улицы, от той стены до... вон тут виднеется проволока, в ту сторону за капустой, вот тут недалеко, это сорок метров. У Симы участок восемьдесят метров в длину. Такие они были, здесь самые большие участки, восемьдесят-девять метров. Это немцы так распределили, так и осталось.

(Землю) получал самый старший (в семье) по праву колонизации, получал землю там, где были свободные участки. Он получил, к примеру, там, в сторону Панчева, Ябуки, в сторону Ковачицы, к Црепае, или туда, к Ново Селу, ближе к Румынии. Значит, это были наши земельные владения. Так выдавали землю. Мало кто эту землю мог обрабатывать, потому что приехали сюда все с пустыми руками. Не было ни мотыги, ничего не было, нужно было купить где-то. А здешнюю землю ты не можешь обрабатывать мотыгой, большие площади.

Ты в Македонии не можешь, мало у кого было столько земли, и обрабатывать ее мотыгой. Поэтому... не могу сказать, что большинство, но я думаю, почти все отдавали землю в кооперативы. И так становились членами кооперативов, получали там работу. Даже стаж у них шел, у кого-то было и больше пятнадцати лет стажа. А участки использовал кооператив, за это он давал денежное возмещение, ренту, так сказать, платил ренту за работу на твоей земле.

И через какое-то время, через десять, двадцать лет люди становились на ноги, чуть почувствовали себя хозяевами, появились кое-какие деньги, они могли купить трактор или коней. И так вот они начинали обрабатывать землю, забирали ее назад. Тогда нужно пойти в кооператив и сказать секретарю или директору: хочу забрать назад свою землю. [...] Так забирали участки назад, и ты не должен был забирать все, сколько тебе хотелось. Я могу тебе сказать, вот столько денег получишь, ты доволен или нет, вот столько составлял, как бы сказать, тариф, вот во сколько землю оценили, никто не мог заставить кооператив продать землю дешевле или дороже. Вот сколько они думают, что стоит земля, столько денег они тебе за нее давали.

Текст 2. Ж.П. (род. 1951 г., с. Качарево, общ. Панчево, Воеводина, Сербия); С.Н. (род. 1953 г., с. Качарево, общ. Панчево, Воеводина, Сербия)

О том, как заселялись немецкие дома в Воеводине

ЖП: Тие нѐмци штó бѝле óвдека по кúкѝве, тѝе дóаѓале óвдека... Кó се распоредúвале, сѝте сме дóшле, сѝте на стáница. Ги дочѐкале од мѐсниот óдбор. Ги дочѐкале сѝте тѝе од вóзот, ги дóвеле пред мѐстна **зáедница**, пред цѐнтар на **тр́гон**, кáјшто е пáзарон, кáјшто е стокóвната кúка. Ги дóвеле тúка. И сѐга се óбраќа тóј чóвек и вѝка «*дóбрóдóшли...*» [...] И тóј вѝка вáка сѐга. Тóј чѝта. Дóнчевски Дóнчо. И се јáви. Тѝ ѝмаш двáсѐт и пѐт члѐна. Тѝ óдиш во тáја кúка тáму и го вóдат. Тѝ, Јáкимóвска, откáј си тѝ, от Крѝва Пáланка сýм дóјдена. Кóлку **вас** ѝма? Їма за трѝнаѐсѐт. Тѝ óдиш во Бóсанска. Тóгаш нѐ бѝло **ýлице Бóсанске**. Нѐмало ѝмињá. Тó пóсле ги добѝвале имѝњáта. [...] И **óвај** дóаѓа и сѐга влѐгува во кúка. Влѐгува во кúка во кóја се пúши рúчекот, сýпа се пúши. Вѝка «Сѝктер нáдвор».

СН: Тúка бѝле знáчи Гермáнците, уште сѐделе.

ЖП: Фамѝлија сѐди. И дóаѓаат óвие лúѓе од мѐсниот óдбор со полицáјци, со милицáјци. Тѝе останúвале тúка.

СН: Жѐни и дѐца остáнале. Сáмо мáшки нѐ бѝле тúка. Стáрци. **Свѐ** врѐме бѝле тúка, пóсле во ѓден лóгор. [...]

ЖП: Сáкам да рѐчам ѓте кáко дóшол до тóа. И тóј ко дóшол во тáја кúка кóја е... Óнаа кúкана в сѐло тáму во Прѝлепско во Дѐсово ни копи... ни кáпија ѝма, ни врáга ѝма, зѐмја насѐкаде, ѝма ѓдно мáгаре, нѐ знам штó óни ѝмале тáму зѐмја, нѐ знам кóлку, со штó рáбóтеле. И дóшол óвдека на кúка, óгрóмна кúка, знáчи со пáтоси, со сѝјáлица внáтре, ко вѝделе сѝјáлица гóри, лúѓево не знáеле, дúвале во сѝјáлицѝве да ја угáсат, не знáеле. Па нѐ се заѐбáнци сѐа тóа. Па нѐ се заѐбáнци, те тѝе го кóрнеле пáтосот, го лóжеле. Научени се в сѐло, тáму кáјшто живѐеле, в сѐло се лóжи. [...]

И на óвие им рѐкле да се собѐрете и одѝте сѐга, во лóгор ги вóдат. На тóа мѐсто дóаѓа сѐга дѐдо ми и дѐдо му кóј бѝло штó со фамѝлија стѝга, штó да прáви сѐга, тѝ глѐдаш кáко е нáмѐстено свѐ. [...] Áли нѐколку генѐрáциѝ ѝмат тúка живѐено, ѝма тѝе свóѝ заостáвштини нѐкои, и кó дóшол сѐга нѐкóј од тáму, óтаде од **Сабѝрниот цѐнтар** кáјшто бѝл лóгорот, вѝка «гáзди, гáзди». Дѐдо ми... Дѐдо ми нѐ можел да се пóмири со тóа, нѐ. Дѐдо ми од тáтко ми тáткóво, нѐго во дрúга кúка тáму, óваа кúка тóј ја нáследил óвдека, а óнаа кúка тáму штó бѝла, тáја голѐмата

ку́ка, та́му доа́гал, о́вај, то́ј не́кој, и ба́рал, ви́ка, «га́зди». Де́до ми **го би́ло сра́мота** и не́ можел да се ја́ви, ни́когаш не изле́гувал да се ја́ви да ви́ди што́ ба́ра, ви́кал «Де́ца, да́јте им се́ што́ ба́раат, о́ва не́ е ни́што на́ше, о́ва е зе́мено, о́ва е, ре́че, проко́лнати сме, о́ва е про́клето. И о́дигме до́ма, ја́ о́вдека не остану́вам. Ко́ј са́ка со ме́не да се вра́каме за Македо́нија. Ка́ко мо́жам ја́ да би́дам га́зда, гле́дај што́ е га́зда, ка́ква ку́ка, па́лата», ма не дво́р, са́рај би́ло то́а пре́ма ни́вните ку́ки.

СН: А не́ се... не ра́ботел за не́а.

ЖП: А, ни́што не ра́ботел, да́. За́тоа му би́ло сра́мота, му би́ло «ка́ко ја́ да би́дам га́зда на о́ва, сү́м го о́терал, ви́ка, сү́м го **крéл** чо́век од ја́дење, фамили́јата, де́ца сү́м ги ди́гнал! Ја́дат су́па, ја́дат ма́нца, и ги соби́рало и на́двор. И о́вие, ви́ка, де́ца, **ја́** о́дам. Ко́ј са́ка?»

И **та́ка да** се вра́тиле мо́и ву́јковци, три́ че́тири ву́јковци, ву́јко Вла́до, ву́јко Љу́бе, те́тка Ле́нка, ву́јко То́ме, се вра́тиле си́те, не́ма ги ту́ка. Ви́ка, о́вдека не́ма сре́ка, ви́ка, ни́когаш не́ма да би́деме ми́рни, о́ва е про́клето. И што́ ми́слиш се́га, на́с да е не́кој ва́ка, да до́јде да не́ и́стера о́д дома. И ти́ да се́диш... ка́ј ќе о́дигме, што́ ќе прави́ме, та́ка и о́вај, што́ ќе пра́ви се́га, и не́ може, ву́јко не се по́мирил со то́а, о́вај, де́до ми не се по́мирил со то́а и се вра́тил.

Перевод:

ЖП: Эти немцы, что жили здесь в домах, приходили сюда (в дом)... Когда проходило распределение, мы все приехали, все на станции. Их встретили из местной администрации. Встретили всех, кто сошел с поезда, их привели к зданию администрации, центр площади, туда, где рынок, где торговый дом. Их привели туда. И тут к ним обращается человек и говорит «добро пожаловать...» [...] И он им говорит следующее. Читает. Дончевски Дончо. Отозвался. У тебя двадцать пять членов семьи. Ты идешь в вот этот дом — и его уводят. Ти, Якимовска, откуда ты, из Крива Паланки приехала. Сколько вас? Тринадцать. Ты пойдешь на Босанскую. Тогда еще не было улицы Босанская. Не было названий. Потом уже они получали названия. [...] И вот он приходит, вот входит в дом. Входит в дом, в котором еще обед горячий, над супом пар. И говорит «Вон на улицу».

СН: Значит, тут немцы были, еще жили.

ЖП: Сидит семья. И приходят те люди из администрации с полицией, с милицией. Они оставались здесь.

СН: Женщины и дети остались. А мужчин не было. Старики. Они все время были здесь, потом их в лагерь. [...]

ЖП: Я хочу сказать, что случилось. И он, когда пришел в дом, который... В нашем доме на селе в Прилепском крае в Десово ни ворот, ни дверей, кругом земля (земляной пол), был один ослик, не знаю, сколько земли им принадлежало, не знаю, сколько, как они ее обрабатывали. И тут он приходит в дом, огромный дом с паркетом, с лампами внутри, когда они увидели лампочку, как она горит, люди не знали, дули на нее, чтобы погасить, не понимали. Я не шучу. На полном серьезе, они отрывали паркет, топили им дом. Как в своем селе, где они жили раньше, в селе топят дом. [...]

И тут им сказали собраться и уходить немедленно, их ведут в лагерь. А на их место приходит мой дед и его дед, приехали с семьями, что же делать, видишь, как тут все устроено. [...] Но тут уже жило несколько поколений, тут их вещи, и вот эти люди приходят из Пункта сбора, оттуда, где был лагерь, говорят «хозяева, хозяева». Мой дед... Мой дед не мог смириться с этим, нет. Мой дед, отец моего отца, он был в другом доме там, этот же дом он унаследовал, а тот дом, что стоял раньше, в тот огромный дом приходил человек и говорил «хозяева». Моему деду было стыдно, и он не мог выйти на оклик, никогда не выходил посмотреть, чего он хотел, говорил: «Дети, отдайте им все, что они просят, здесь нет ничего нашего, это все чужое, оно, говорит, все проклято, и мы прокляты. Мы едем домой, я тут не останусь. Кто хочет, давайте вернемся в Македонию. Какой я хозяин, ты посмотри, что такое хозяин, какой тут дом, тут дворец», дворцовые палаты были по сравнению с их прежними домами.

СН: А он этот дом не заработал.

ЖП: Да, получил даром. Поэтому он сгорал со стыда, он говорил: «Как мне быть хозяином всего этого, я выдворил человека, — говорит, — я оторвал его от обеда, его семью, детей поднял! Они едят суп, суп едят, а их выгоняют вон. Дети, я уезжаю. Кто со мной?»

И вот так вернулись мои дяди, три, четыре человека, дядя Владо, дядя Любе, тетя Ленка, дядя Томе, все вернулись, нет их здесь. Он говорил, здесь нет счастья, говорил, никогда мы не найдем здесь мира, все проклято. И только представь, нас бы кто-то так, пришел бы и выгнал из дома. И ты сидишь... куда нам, что нам делать, вот и он так же себя чувствует, что ему делать, и все тут, дядя не смирился, дед мой тоже не смирился и вернулся.

Текст 3. Ж.П. (род. 1951 г., с. Качарево, общ. Панчево, Воеводина, Сербия); С.Н. (род. 1953 г., с. Качарево, общ. Панчево, Воеводина, Сербия)

О передаче фамилии в македонских селах

НМ: Значи немало извод од матична книга.

ЖП: Да, имале црквени... црковни крштеници. И сега во архивот во меснава заедница постои досие, секој тој кој е дојден, имаат изводи донесено. Јас таму видов и од мајка ми, и од татко ми, и од дедо Арсо. Значи во изводи пишува Петков. А не знам, дали сте зборувале на тема како се правело презимето? Значи по дедо се добивало. Значи мој дедо Арсо. Неговиот дедо се викал Арсо. И тој по дедо му се презива Арсовски. Било Арсов, па после коа Македонија е влезена во република, во составна Југославија, тогаш го добила и тоа «ски». И тој останува Арсовски. Татко ми се презива сега Петковски, а дедо бил Арсов. А татко ми бил Петков Никола, оти дедо му на татко ми бил Петко.

СН: По дедо се сменуvalo.

ЖП: Значи секоја наредна генерација добива презиме по... Значи, татко ми, ко добил... Значи, тој не може да се презива Арсов него по татко му на Арсо, а татко му на Арсо бил Петко и затоа татко ми се презива Петко, Петковски.

Ние би требало сега да бидеме Арсовски али со тоа фала бóгу да се заврши. Фала бóгу да се заврши со нашава генерација оти изгубивне **више** идентитет, изгубивне корен, не знаевне кој сме, откај сме. Ти во едно семејство може да имаш.. а плус што тоа не било така развиено, **ипак** ова била сиромашна земја и немало ни **мно́го** писмени луѓе, имало по црквите нешто луѓево, сега одиш... оди татко ви да ве пријави вас, мене, него да пријави. И «кај одиш, Никола?», «одам да го пријавам Живко да го...», «кајде упиши го и моја».

Перевод:

НМ: Значит, не было свидетельства о рождении, записей о нем в книгах.

ЖП: Да, были церковные... церковные книги. И сейчас в архиве в местной администрации есть записи, все, кто приезжал, получал даты рождения. Я там видел записи и о матери, и об отце, и о дедо Арсо. В книгах значилось Петков. А я не знаю, вы вообще говорили на тему, как передавались фамилии? Значит, давались они по дедушке. Значит, мой дед Арсо. И его деда звали Арсо. И по деду его фамилия значилась Ар-

совски. Был Арсов, потом, когда Македония вошла в состав республики, в состав Югославии, тогда получили это «ски». И он стал Арсовски. Фамилия отца сейчас Петковски, а фамилия деда — Арсов. А отца звали Петков Никола, потому что деда отца звали Петко.

СН: Фамилия менялась по деду.

ЖП: Значит, каждое следующее поколение получает фамилию по... Значит, мой отец, когда получил... Получается, он не может зваться Арсов, а должен по отцу Арсов, а отца Арсо звали Петко, поэтому фамилия моего отца — Петко, Петковски.

Сейчас мы бы должны были носить фамилию Арсовски, но с этим слава богу покончено. Слава богу покончено, на нашем поколении, потому что мы уже потеряли свою идентичность, потеряли свои корни, мы не знали, кто мы, откуда мы. Ты в одной семье можешь... а еще к тому же места были заброшенными, все-таки страна была бедной, мало грамотных людей, были по церквям некоторые (грамотные священники), и вот идешь... идет ваш отец записать вас в церковную книгу, меня, его записать. И «А ты куда, Никола?» — «Иду записать Живко». — «А запиши и мою».

Текст 4. Ж.П. (род. 1951 г., с. Качарево, общ. Панчево, Воеводина, Сербия); С.Н. (род. 1953 г., с. Качарево, общ. Панчево, Воеводина, Сербия)

Именованье жены по имени мужа

ЖП: Ја неvěста си ја викам. Кај си бе, неvěста, реков. На македонски така се вика. Кај нас во крајот, може да не е низ цела Македонија, женивекó ке се мајеле во некоја кука,

таја оттогаш не се вика по своето име, мислам онака, во... само меѓу луѓето во фамилијата.

СН: Симејца.

ЖП: Никој не ја вика **више** Рада. Лиља негова ја викаат Симејца или Симејца. Рада моја е Живкојца.

СН: По маж.

ЖП: Мајка ми беше Николица. Па Драгица се викаше мајка ми, по татко ми се вика Николица. И жените така ги викале. Значи во фамилијата.

СН: И «неvěста». Дедо ми... Дедо ми... **извини, молим те**. Морам да го спомнам. Дедо ми Василе до крај: «Неvěста», моја мајка, која... таа се смееше. **Шездесет** години.

ЖП: Аха, помлада била од него.

СН: Шéесет гóдини, táj ja víкаше «нéвеста». И «до кога ќе бидам невеста»? Така се шегуваа, **мислим**, вака. «Нéвесто», па «Симéјце», па «Најдóјце», па «Благóјце».

ЖП: Тоа е дóказ дéка е снáјата во táја кúка.

НМ: Ама во Србија тоа не е традиција?

ЖП: Нé е.

СН: **Јá** да ти рéчам. Во Кру́шево се слúчува, од óвој штó ти úмре шкóлскиот, ми пúштија да óднесам во Кру́шево, рáзбраа **да** óдам táму и, éве ти, вéли, шéкер и кáфе да óднесеш на ма́јка ми. Дóаѓам **ја** во Кру́шево táму и ја бáрам, нé знам кáко се вика. Нíкој нé знае, áма дóјдов ва́ка, и нíкој нé знае, нíкој нé знае. Ми тéкна кáко ма́ж се víка, Андóница. «Па штó не збóриш Андóница? Тýка е!» Сíte, нíкој **нé зна!** Пáзи, жéна кóја стáра **педéсет шездéсет** гóдини, óколу нíкој нé знае кáко... Зáга, мíслам. Нé, Андóница, по ма́ж, нíкој **ја нé знае**. Тоа за Кру́шево ти збóрам.

Перевод:

ЖП: Я ее зову «невеста¹». Как ты, невеста, сказал. По-македонски так говорится. У нас в крае, может, это не всюду в Македонии, женщины, когда выходят замуж в чужой дом, с тех пор ее не называют прежним именем, думаю, ну, так, среди своих внутри семьи.

СН: Симейца.

ЖП: Ее больше никто не называет Радой. Его Лилю зовут Симойца или Симейца. Моя Рада — Живкойца.

СН: По мужу.

ЖП: Моя мать была Николица. А так мою мать звали Драгица, но по имени отца — Николица. Так называли женщин. В семье.

СН: И «невеста». Мой дед... Мой дед... извини, пожалуйста. Я должен тут его вспомнить. Мой дед Василе до последнего: «Невеста» — моей матери, которая... она смеялась. Шестьдесят лет.

ЖП: Ага, была моложе его.

СН: Шестьдесят лет, он ее звал «невеста». И «до каких пор я буду невеста?». Они так шутили, имею в виду. «Невеста», «Симейце»², «Най-дойце», «Благойце».

ЖП: Доказательство, что она сноха в доме.

НМ: В Сербии так не принято?

¹ *Невеста* — молодуха, жена.

² Указывается звательная форма на -е.

ЖП: Нет.

СН: Я тебе скажу. В Крушеве было дело, от того твоего школьного приятеля, который уже умер, мне поручили отвезти кое-что в Крушево, они узнали, что я еду туда, и вот тебе, говорит, сахар и кофе, отвезешь моей матери. Приезжаю я в Крушево и ищу ее, не знаю, как ее зовут. И ее никто не знает, я приехал, а никто не знает, никто не знает. Я вспомнил, как зовут ее мужа, Андоница. «А что ж ты сразу не сказал Андоница? Тут она!» Все, никто не знает! Подумай, женщина, пятьдесят-шестьдесят лет, а ее никто не знает (по имени), как... Зага, кажется. Нет, Андоница, по мужу, никто не знает. Это я о Крушеве говорю.

Текст 5. В.М. (род. 1951 г., с. Глогонь, общ. Панчево, Воеводина, Сербия)

**Традиции родного села Тумчевиште (Гостивар),
связанные с календарным циклом**

ВМ: Бóжиќ, Вéлигден, Свéти Јóван и тóа. Свéти Јóван нѝ бéше **се-оска** слава. Се óди во црква, ѝма двá кúма, кúм знáеш штó е? Двá кúма, **преузима** кúмство, знáчи, двá кúма за Свéти Јóван, прéдава кúмство, а дрúги, нóви кúмови, **преузимаат**. И **онда** ќе се сóблечат до пóла и пóп фрльат крст во вóда. И тóј трéбит со **један дóдир вáко**, нé да го бáрат крстот. **Тú** се вѝди, чѝста вóда тóлку, **свé** се вѝди, сóлза. И трéби да го фáти крстот и **онда** ќе бѝдит бéрикетна гóдина, па **онда** пúшки фрлање, па óво. [...] И **онда** се оди дóколу црква и се пéат да се рóдит вѝно, жѝто, **мúшка** дéца, óно се пéат. И **онда** цéло сéло мúзика свѝри тáму и **свé** се јáди. Јáдење, тáму мéсо, пѝфтије, тáму éдно дрúго. И се пѝјат **кув...** вáрена рáкија, сáкам да збóрам макéдонски. Вáрена рáкија се. И óнда **флáшица** мáла или чáша, óдиш на кáзан и тѝ ја со кúтлача óп, ќе ти стáват. И дéца ми, мáло, помáло ти стáват. Нé е тоа јáка рáкија мнóгу, а слáтка, **кúвана**. И тáка. И **онда** цéл дéн мúзика свѝрит, гóсти ѝдат на... Тóа е **највесéлији дан** и Бóжиќ **највесéлији дáн**.

А Бóжиќ нá **вече уóчи** Бóжиќ, нéшто е **кéстен...** кóштан. Се вáрат кóштани и **онда се ўзме** кáнапи и избóцкај си и напрáви ти нѝза **кáо óгрлица** од кóштани. А тóа и на сабáјле рáно, дéца, **ѝдеш код пријателъа, код...** ѝмам... ѝмав **ја** стрѝко, кúка до кúка, стрѝко. И óдиш и **дóбиеш** пóклони. Знáчи, **ја** кáј стрѝко ми óдам, а и тóј ќе ми дáјит мéне и стрѝна ми ѝсто нѝзарче кóштани **прéко глáве**. Пét, шéст, дéсет кóштани, овáко, свé. И óдиш дóма, пóсле си јáдиш вáрено.

НМ: Тоа е ба́ш за Бо́жиќ?

ВМ: Да́, да́, да́. Тоа е о́бичај кај нас. А за Ве́лигден, на́вечер, ка́пење **обавезно ку́пање**, ма́ли де́ца да се ка́пат, и о́нда е́дно ја́јце ва́рено, со ко́нец и со **штáп**, и ти... **о́нда** збо́риш на маке́донски **та́мо**, за о́но за о́во, за бе́рикет да би́дит, и **о́ни га мрда́ју ја́је**, **а́ли не сме се са ру́ке**. [...] И им е **ру́ке** поза́ди, и ко́ј ќе го **ува́ти ја́је** со уста...

НМ: А како се вика таа игра?

ВМ: Не́ знам. Не́ знам, **не мо́гу**... не се се́кавам. Тоа е о́бичај пред **Ўскрс**. Ја́јци, али со за́би да го фа́тиш, со у́ста, а не **со ру́ке...ра́ке**. И **ка́о** тоа е сре́ка. Тоа е на́родно веру́вање.

И **о́нда** му́зика сви́ра, це́ло се́ло **и́злази**, тоа ви́ка «гу́мно», та́му се ви́ка, ка́ј се игра та́му, му́зика се сви́ри. И ма́ло, ста́ро, мла́до, сви́те у **ко́ло се фа́тат**. Це́л де́н му́зика тре́шти. А тоа е ста́ринска му́зика, **зу́рле**. **Зу́рле и тупа́нове**. Ду́м-ду́м. Ту́рци. Ту́рци има́т сви́рено а́ма во на́шето се́ло не́ма ни ро́м, не́ма ши́птар, не́ма ту́рчин, чи́сто е́тничко се́ло.

Перевод:

ВМ: Рождество, Пасха, Крещение и так далее. День Святого Иоанна был нашей сельской славой. Ходили в церковь, есть два кума, знаешь, что такое кум? Два кума, перенимает кумовство, значит, два кума на Святого Иоанна, передает кумовство, а другие, новые кумовья, его перенимают. И вот они разденутся до пояса, а священник кидает крест в воду. И он должен вот так, одним движением руки, а не искать крест. Все видно, вода прозрачная, все видно, слеза. И должен он схватить крест, и тогда будет счастливый год, потом пальба из ружей. [...] И потом идут вокруг церкви и поют молебны, чтобы был урожай и винограда, и жита, чтобы рождались мальчики, об этом молят. И тогда музыка во всем селе играет и все едят. Еда всякая, там мясо, студень, чего только нет. И пьют горячую ракию, я хочу сказать на македонском. Горячая ракия. И вот одну маленькую бутылочку или стопку, идешь к котелку и тебе ее черпаком оп, наливают. Даже детям по чуть-чуть наливают. Эта ракия не очень крепкая, сладкая, горячая. Вот так. И вот весь день играет музыка, гости идут на... Это самый радостный день, и Рождество тоже самый радостный день.

А в Рождество, в день перед Рождеством, каштаны... каштаны. Варятся каштаны, берутся нитки, нанизываются (каштаны) на них, делай в ряд как ожерелье из каштанов. А рано утром, дети, идешь к друзьям... у меня есть... был дядя, жили дом к дому, дядя. И ты идешь и получаешь подарки. Значит, я иду к своему дяде, а он мне дает, а еще моя тетя тоже

дает ожерелье из каштанов, продевает через голову. Пять, шесть, десять каштанов, вот так все. И ты идешь домой, потом ешь их, вареные.

НМ: Это прямо на Рождество?

ВМ: Да, да, да. Такой был у нас обычай. А на Пасху вечером обязательно надо искупаться, маленьких детей купают, а потом — вареное яйцо, с ниткой и палкой, и ты... тогда приговариваешь на македонском, того и того желаю, счастье пусть будет, и они раскачивают яйцо, но руками его нельзя. [...] А руки у них за спиной, и кто ухватит яйцо ртом...

НМ: А как называется эта игра?

ВМ: Не знаю. Не знаю, не могу... не помню. Это был обычай перед Пасхой. Яйца, но должен схватить его зубами, ртом, не руками... руками. И тогда будет удача. Это народное поверье.

И вот играет музыка, все село выходит во двор, называется «гумно», так называется, там пляшут, музыка звучит. И млад, и стар, все встают в коло. Весь день музыка гремит. И старая музыка, на зурлах. Зурлы и барабаны. Дум-дум. Турки. Турки играли на них, но в нашем селе нет ни цыган, ни албанцев, ни турок, этнически чистое село.

Литература

- Борисов, Кикило, Немчинов 2024 — С. А. Борисов, Н. И. Кикило, В. А. Немчинов Языковая ситуация у македонцев, чехов и словаков в Воеводине (по материалам экспедиции 2023 г.) // Славяноведение. 2024. № 6. С. 85–100.
- Гаћеша 1984 — Н. Гаћеша. Аграрна реформа и колонизација у Југославији, 1945–1948. Нови Сад, 1984.
- Станковиќ 2018 — С. Станковиќ. Општ осврт врз виталноста на македонските преселенички говори во јужен Банат // Минатото на јазичниот свет — денес и утре: зборник на трудови од Меѓународната научна конференција «Минатото на јазичниот свет — денес и утре» одржана на 15 и на 16 ноември 2017 година, во Институтот за македонски јазик “Крсте Мисирков”. Скопје, 2018. С. 243–266.

*Summary**Natalia I. Muravleva***Samples of the dialect of Macedonian settlers in the Southern Banat of the Republic of Serbia, the villages of Kačarevo and Glogonj, the municipality of Pančevo**

This paper presents a collection of narratives recorded in Macedonian dialects during a 2023 field research expedition (Borisov, Kikilo, Nemchinov 2024). The narratives were gathered from informants belonging to the Macedonian minority residing in the villages of Kačarevo and Glogonj, located within the Pančevo municipality of Vojvodina, Republic of Serbia. Analysis of these dialectal texts reveals contact phenomena stemming from the influence of the dominant Serbian language, including instances of code-mixing and code-switching. The narratives primarily focus on the history of Macedonian families' resettlement in Vojvodina following the post-World War II Agrarian reform implemented in the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. Furthermore, they document aspects of the daily life and cultural traditions of these resettled families, with particular emphasis on customs related to the annual cycle of ritual practices.

Keywords: Macedonian dialects, contact linguistics, code-mixing, code-switching, Agrarian Reform SFRY, Vojvodina, Serbian language, sociolinguistics, minority languages